

Читайте остросюжетные романы
Татьяны Коган
в серии «Чужие игры»:

Только для посвященных
Мир, где все наоборот
Раствориться в темноте

ТАТЬЯНА
КОГАН

Только для посвященных

ЭКСМО

Москва

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К57

Оформление серии *С. Груздева*

Коган, Татьяна Васильевна.

К57 Только для посвященных : [роман] / Татьяна Коган. — Москва : Эксмо, 2015. — 352 с. — (Чужие игры. Остросюжетные романы Т. Коган).

ISBN 978-5-699-78277-2

Начиналось все как шутка, игра для четверых посвященных. Лиза предложила идею, все вместе ее доработали. Суть была такова: один из друзей озвучивает задачу, с которой не в состоянии справиться в одиночку. Товарищи должны помочь. Как только первый получает желаемое, наступает очередь следующего... С каждым новым кругом проблемы становились все серьезнее, а способы их решения — циничнее и страшнее. Когда нетрезвый Иван сбил человека, друзья дали ложные показания, и виновным в ДТП признали оставшегося инвалидом пешехода... Глебу становилось все труднее поддерживать эту дружбу, но он не мог выйти из игры — его брату понадобилась пересадка почки, и Макс пожертвовал своей. А потом Лиза попросила избавить ее от надоевшего мужа...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Коган Т.В., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-78277-2

Сейчас

Дом был пустой: ни мебели, ни вещей. Даже пыли не заметно — как будто прежний хозяин, если таковой имелся, скрупулезно уничтожил все следы своего пребывания. Джек обошел помещение уже сотню раз, обследовал каждый угол, но не нашел ничего, что дало бы подсказку. Ситуация казалась странной, но он не решался окончательно признаться в этом. В конце концов, стоит ли полагаться на доводы разума, в котором случился очевидный сбой? Любой адекватный человек, просыпаясь утром, примерно или наверняка знает, кто он и где находится. Джек не знал. Он словно материализовался из ниоткуда по неизвестной причине в неизвестном месте. Родился взрослым и начал жить, минуя детство, отрочество и юность. Но как жить, не имея понятия, кем ты являешься?

Это было тяжелое пробуждение. Голова гудела, а веки никак не желали разлепляться. Пожалуй, он бы не стал бороться и продолжил спать, будь постель не такой убийственно жесткой. Создавалось впечатление, что он заснул прямо на

ТАТЬЯНА КОГАН

полу. Усилием воли открыл глаза и сфокусировал взгляд. Так и есть. Он лежал на голом полу в окружении белых стен. Потолок тоскливо покачнулся и замер, — он приподнялся и сел, едва не потеряв равновесие. Было прохладно. Он поежился, потер плечи. Сознание прояснялось медленно и урывками, — так выплывают из тумана призрачные очертания незнакомой местности. Джек терпеливо ждал, понимая, что ничего другого ему не остается. Проходила минута за минутой, но ответа не возникало. Зато вопросы множились с каждым мгновением.

Перевел взгляд со стены на окно. Большое, незанавешенное. На улице шел снег. Он долго следил за плавным падением снежинок. Нужно что-то предпринять. Хотя бы встать для начала. Но в глубине души он как будто уже знал, что это ни к чему не приведет. Страшная догадка шумела внутри ненастроенным приемником, но у него не хватало смелости настроить его на нужную волну. Ведь тогда правда станет очевидным фактом. Слишком чудовищным, чтобы стремиться услышать его.

Джек просидел несколько часов, прежде чем решился подняться и осмотреть дом. Это был добротный двухэтажный коттедж, судя по всему, строившийся для себя. Планировка и отделочные материалы были безукоризненны. Джек бродил по пустым комнатам, как унылое привидение, иногда останавливаясь возле окон, чтобы разглядеть

ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСВЯЩЕННЫХ

панораму за ними. Впрочем, из-за белой пелены снега ничего не было видно. Сделал еще несколько кругов по дому, затем вернулся в просторную гостиную на первом этаже. Неподалеку от того места, где он очнулся, в дальнем углу валялся белый конверт. Назойливо выделялся на темном паркетном полу, — удивительно, как Джек не заметил его раньше. Хотелось подбежать, но движения были плавны и заторможены, как бывает в кошмарном сне, когда прилагаешь все силы, но едва трогаешься с места. Приближался к конверту целую вечность или дольше. Когда же заветный пакет оказался в руках, не сразу смог разорвать бумагу. Пальцы не гнулись и отказывались слушаться. Понадобилась немалая концентрация усилий, чтобы вскрыть конверт. Все, что там было, — свернутый лист, паспорт и банковская карта.

Джек сполз по стене на пол. Разложил трофеи перед собой и долго смотрел на них, не рискуя прикоснуться. Не пропитаны же документы ядом, в самом деле. Он потянулся к паспорту.

С фотографии на него смотрел молодой темноволосый мужчина с мрачной ухмылкой на тонких губах. Информация о личности — фамилия, год и место рождения — ничего ему не говорили. Он задумчиво повертел паспорт и отложил в сторону. Банковская карта принадлежала тому же человеку.

Он прислонился затылком к стене и закрыл глаза. Навалилась усталость, словно сутки разгру-

ТАТЬЯНА КОГАН

жал вагоны. Кто знает, может, он и вправду вагоны разгружал. И так перетрудился, что все позабыл, к чертовой матери. То, что Джек осознал в первые минуты пробуждения, сейчас обрело законченную форму. Теперь он мог выразить терзавшее его подозрение: он потерял память. А может, и не терял. Может, ее вообще никогда не было, и он, подобно растению, всегда существовал сегодняшним днем. Так или иначе, Джек не помнил ни единого события из своего прошлого. Не имел представления, кто он и как оказался в этом доме. И это было хреново, очень хреново. Он даже имени своего не помнил. Быть никем не очень-то приятно, и он мысленно назвал себя первым именем, пришедшим на ум, — Джек.

Разве может мозг стать полностью стерильным, неужели все ячейки памяти были уничтожены? Говорят, даже одежда способна хранить информацию о ее владельце. А человек всяко более сложный организм, чем какая-то тряпка. Значит, определенные знания должны сохраниться даже при жесточайшей амнезии. Он сосредоточился, пытаясь оценить те пласты информации, которые остались в его распоряжении. Перед глазами мелькали кадры из кинофильмов, абзацы из учебников, обрывки мелодий, фрагменты диалогов, моторика движений — целые залежи знаний, которые он когда-то успел накопить. «По крайней мере, не придется снова идти в начальную школу», — усмехнулся Джек. Положение было не из приятных,

ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСВЯЩЕННЫХ

но он не ощущал отчаяния. Возможно, эта крепость духа была следствием шока. Рассудок только начинал справляться с неожиданной проблемой и на всякий случай заблокировал способность чувствовать, чтобы подопечный не спятил. Если так, он не против. Депрессия ему сейчас ни к чему.

У него есть родные и друзья, — должны быть. Они непременно найдут его, отведут к лучшим докторам, и однажды память вернется. Он снова станет стариной Джеком (или как там его зовут), которого они знали долгие годы. Кстати, о годах. Интересно, сколько ему лет? Жаль, в доме нет зеркала.

Уже вечерело. Снегопад прекратился, одинокий квадрат окна угрожающе темнел наступающими сумерками. Джек поднялся, чтобы рассмотреть уличный пейзаж. В стекле отразилась чья-то фигура. Замерла в нерешительности и стала приближаться.

Он не узнавал этого человека. Понимал, что видит собственное отражение, но не мог отождествить себя с ним. Незнакомец копировал его жесты, двигался в унисон. Но был абсолютно чужим. «Неужели я мог позабыть свое лицо?» — это открытие неприятно удивило его. Он посмотрел на ладони, задрал рубашку и внимательно изучил плоский живот. Странно. Тело казалось ему родным и знакомым. Вот и родинка возле пупка, он ее отлично помнит. Развитые мышцы пресса, все верно. Но лицо? Бред какой-то. Будто к старому

ТАТЬЯНА КОГАН

туловищу приделали новую голову. Горько усмехнулся и застыл, глядя на отражение в стекле. Затем кинулся к паспорту и потрясенно уставился на фотографию. Лицо на документе и то, что он видел в окне, были идентичны.

Он снова и снова перечитывал скудные официальные сведения. Так вот как его зовут на самом деле. Смирнов Кирилл Андреевич, уроженец такого-то города, тридцати трех лет от роду. Не женат, детей нет... Хоть ты тресни, не ощущал он себя Смирновым Кириллом. Совсем не ощущал.

Ходил из угла в угол, не отдавая себе отчет в том, что делает. Окажись поблизости невольный зритель, подивился бы загадочному поведению человека, бесцельно слонявшегося по комнате и невнятно бормотавшего что-то под нос.

Темнота за окном приобрела мерцающий синий оттенок. Высыпали звезды, под их блеклым светом мягко поблескивали сугробы. Джеку остро захотелось на свежий воздух. Поднял с пола куртку, в которой спал. Замешкался, отпирая замок двери, и вышел из дома.

Было морозно и необычайно тихо. Даже снег не скрипел под ногами. Широкая улица оказалась пустынна и как будто заброшена. Хотя редкие дома по обе стороны по всем признакам имели обитателей. Там тропинка к дому расчищена, там у ворот свежий отпечаток шин, а в соседнем дворе горит тусклый фонарь. Трудно судить о местности в неверном свете звезд при нестабильном состоянии

ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСВЯЩЕННЫХ

духа. Но скорее всего, это небольшой коттеджный поселок неподалеку от города. Причем поселок для жителей небедных. Джек оценил размеры и вид строений, частично скрытых внушительными заборами. Названия улицы и населенного пункта он нигде не заметил. Можно было прогуляться дальше, но, честно сказать, чувствовал он себя неважно, вдобавок продрог — тонкая куртка почти не защищала от холода. Нужно вернуться домой и накопить силы для обследования территории и выяснения обстоятельств. Он займется этим завтра утром, а сейчас надо поспать. Ускорил шаг. За несколько минут снег подмерз и теперь шумно скрипел под ботинками.

Дома было все так же пусто. Документы валялись на том месте, где он оставил их. Паспорт, банковская карта и сложенный вдвое лист. Он поднял его без особой надежды узнать что-то ценное. Развернул бумагу и прочитал:

«Не пытайся узнать прошлое. Я дал тебе шанс начать новую жизнь».

Помимо этих двух предложений, больше ничего не было.

Тогда

Сколько Глеб себя помнил, он постоянно вляпывался в неприятности. Не то чтобы это его сильно беспокоило, — он любил острые ощущение

ТАТЬЯНА КОГАН

ния. Но в последнее время острых ощущений намечился явный переизбыток. То ли он постарел и стал восприимчивей, то ли ангел-хранитель устал вытаскивать его из дерьма. Впрочем, в ангелов, чертей и прочую теологическую чушь Глеб не верил. Зато верил в обязательства, которые в очередной раз безапелляционно напомнили о себе. И ведь никуда не денешься. Придется ввязываться в новую историю, и кто знает, насколько мерзкой она окажется. Ничего не поделаешь, долги нужно отдавать.

Взбежал по лестнице на пятнадцатый этаж и позвонил в квартиру. Дверь открыла жена:

— Привет, родной.

— Привет. — Он поцеловал ее в щеку, разулся и прошел в комнату.

— Ты чего так задержался на работе? — Галя проследовала за мужем. — Есть будешь?

— Позже, — Глеб достал из ящика стола сигареты и открыл балконную дверь. — Я сейчас.

Не совсем вежливо, конечно, — жена ждала весь день, соскучилась. Но разговаривать о пустяках, когда голова взрывается от мрачных мыслей, нет никакого желания. Чиркнул зажигалкой. Сделал глубокую затяжку. Вообще-то он не курил. Только в последнюю неделю что-то нашло, сорвался на старую привычку, от которой избавился еще десять лет назад. Выпустил горькую струю сигаретного дыма и посмотрел вниз. Оживленная дорога постепенно пустела. После одиннад-

ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСВЯЩЕННЫХ

цати вечера здесь становилось почти приятно: ни раздражающего шума двигателей, ни вони от выхлопов. При определенном усилии можно даже услышать шелест деревьев — несколько лет назад справа от дороги высадили маленькую рощицу. Глеб всерьез опасался за ее судьбу: деревца были такими тонкими и тщедушными, что при сильном порыве ветра — а ветра в этом районе частые и агрессивные — гнулись чуть ли не до земли.

Да, не в самом удачном месте он купил квартиру. Когда у тебя молодая невеста, а денег в обрез, не очень-то будешь привередничать. В конце концов они оба привыкли к их общему дому. Надо отдать должное Галиному вкусу: там занавески повесила, тут под другим углом кресло повернула, коврик где-то постелила — и пожалуйста, уют налицо. Живи да радуйся. Только Глеб не был бы Глебом, если бы так просто все складывалось. Безоблачная идиллия не в его репертуаре. Главное, держать себя в руках, чтобы жена не приставала с расспросами. Незачем ей вникать в его проблемы. Изменить ничего не изменит, а нервы себе потреплет.

Глеб улыбнулся: кто б сказал дерзкому и наглому юнцу, что его спутницей станет не отчаянная раскрепощенная девица, а ранимая скромная пай-девочка, — ни за что бы не поверил. Никогда его не привлекал типаж серой мышки. И поди ж ты. Запал, как соплик. И добивался ее год без малого. Галя была такой чистой и неиспорченной, что у заядлого циника, коим Глеб себя искренне

ТАТЬЯНА КОГАН

считал, дух перехватило. Будь в его окружении больше подобных людей, он бы не реагировал столь бурно. Но так уж вышло, что с детства Глеб, практически выросший на улице, водился с ребятами, не отличавшимися образцовым поведением. А к концу учебы в школе в их классе сложилась особая компания.

— Извини, ты не любишь, когда тебя отрывают от размышлений, — жена приоткрыла балконную дверь и виновато улыбнулась. — Но ужин остывает, а ты все куришь и куришь одну за другой. Тебя что-то тревожит?

Глеб затушил сигарету о перила и щелчком пульнул ее на улицу.

— Зачем ты соришь? Есть же мусорное ведро, — возмутилась Галя.

— Пусть дворники выполняют свою работу. — Он обнял жену за плечи и увлек в комнату.

Галя молча наблюдала, как ест ее любимый. На языке вертелся добрый десяток вопросов, но она не решилась задать их. Глеб выглядел расстроенным и, похоже, едва справлялся со злостью. Она отлично изучила мужа: в такие моменты лучше его не донимать. А то взбесится, сам себя накрутит еще сильнее, разобьет что-нибудь, а потом своей же вспышкой ярости будет недоволен.

То, что Глеб вспылчив, Галя поняла с первого дня знакомства. Поэтому и держала парня на расстоянии, несмотря на явную взаимную симпатию. Некоторые «подружки» называли ее синим чулком

ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСВЯЩЕННЫХ

и вечной девственницей, что, вероятно, должно было обижать ее. Но она не придавала значения словам «доброжелателей». Для себя Галя давно решила, чего хочет и когда. Первым в списке задач значилось окончить педагогический институт, потом стать преподавателем в школе, а затем устроить личную жизнь и родить детей. Выйти замуж она планировала раз и навсегда, поэтому кавалеров рассматривала с пристрастием.

Следуя этой логике, Глеба следовало отсеять сразу же на первом этапе. Парень он был дерзкий, острый на язык, чуть что — лез в драку. Тихая семейная жизнь не проецировалась на его яркий образ. Однако с ним Галя чувствовала себя защищенной. Не спокойной, не расслабленной, а именно защищенной. Она знала, что может гулять ночью в любом районе города без опаски. Глеб постоит и за нее, и за себя, если что... И главное, сам никогда не посмеет обидеть ее. Да, в нем ощущалась агрессия, но он скорее разобьет кулак о бетонную стену, чем прикоснется к Гале без разрешения.

В общем, кровушки она из него попила немного. За долгие месяцы — ни поцелуя, ни объятий — лишь иногда позволяла взять себя за руку. Для такого парня, как Глеб, платонические отношения — дело немыслимое, из разряда фантастики. Он и сам потом признавался, что не понимал, как терпит подобное. Однако ж терпел.

Она не собиралась связывать с ним свою судьбу. Слишком неразумно. Но где-то на подсо-